

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тщательное изучение переписки А. Себы дает бесценные новые сведения о приобретении коллекций самого Себы и Фр. Рюйша, поставках Себой лекарств, его посредничестве при покупке физических инструментов и использовании и применении в России полученных таким образом новых знаний. Эти сведения позволяют сделать однозначный вывод о том, что покупка коллекций вовсе не была результатом случайных импульсов царя, что коллекции приобретались целенаправленно и что культурный импорт из Нидерландов сыграл существенную роль в сближении России с Европой.

Кунсткамера Петра Великого

В большей части современной литературы Кунсткамера Петра Великого описывается как собрание редкостей, то есть как довольно произвольное собрание предметов, никак не связанных друг с другом, которые царь без какой-либо системы получил или купил. К тому же русский царь проявлял сомнительный интерес к новорожденным уродцам, которых сохраняли в спирту. Вследствие наблюдающегося в последнее время увлечения историков и искусствоведов проблематикой коллекционирования в раннее Новое время было выдвинуто новое объяснение возникновения Кунсткамеры как продолжения сложившейся в XVII в. традиции княжеских и королевских коллекций. То, что дошло до нас через 300 лет, подтверждает подобное представление о собрании: это редкие предметы, анатомические препараты и заспиртованные уродцы. Такое впечатление о Петровской Кунсткамере было и у меня, пока я не обнаружила переписку амстердамского аптекаря Альберта Себы с организаторами Петровской Кунсткамеры.

По ходу чтения писем и дальнейшего исследования я выяснила, что первоначально коллекции были составлены совсем по-другому и собраны в соответствии с заранее продуманным планом.

В приобретаемых Петром коллекциях «центр тяжести» приходился на растения, животных и минералы — так называемые «натуралии», а не на «артифициалии» — ценности, созданные руками человека. Ядро Кунсткамеры, как выяснилось, составляли две коллекции, купленные в Амстердаме у аптекаря Альберта Себы и анатома Фредерика Рюйша. Более того, здание Кунсткамеры было построено ради того, чтобы разместить эти две гигантские коллекции. Эти факты делают маловероятной трактовку Кунсткамеры как продолжения существовавшей ранее традиции королевских коллекций.

Кунсткамера Петра Великого по замыслу и исполнению была чрезвычайно похожа на амстердамские кунсткамеры. Во время пребывания в Амстердаме в 1697–1698 гг. Петр I обстоятельно познакомился с коллекциями Фредерика Рюйша и

Левинуса Винсента. Главная идея, лежавшая в основе подобных кунсткамер, состояла в сведении воедино всех имевшихся знаний о мире: в них были представлены все животные, все растения, все минералы, иногда также изображения городов и знаменитых зданий, образцы всевозможных алфавитов и языков, надписи на камнях и археологические находки, образцы одежды, оружия и предметов обихода экзотических народов. На базе подобных энциклопедических коллекций позднее производилась систематизация знаний. Во многих европейских странах исследование природы осуществлялось под покровительством монарха. Так было во Франции в Королевской академии и в Англии в Лондонском королевском обществе. Путешествуя по Европе, Петр посещал кунсткамеры и вдохновлялся увиденным.

Петровская Кунсткамера как энциклопедический музей

Постепенно я убедилась в том, что Петровская Кунсткамера полностью соответствовала новому европейскому подходу к научному исследованию. Кунсткамера предстала передо мной как проявление активной причастности Петра к «Республике любителей» — людям, увлеченно стремившимся к знаниям, ставившим эксперименты, производившим классификации и порой — что не было главным — дававшим интерпретацию увиденному. Все это делалось весьма целеустремленно — ради упрочения власти, приобретения богатства, благополучия, славы и почета. Важной особенностью новой науки было то, что она не испытывала уважения к рассуждениям и цитированию, к эрудиции, искавшей знания у античных мудрецов, но уважала знания, полученные посредством собственного опыта. Поэтому новая наука носила в основном практический характер, что особенно импонировало такому самоучке, как Петр I. Культурные, экономические и политические мотивы, подвигнувшие Петра заложить в России основы научного исследования по образцу европейской модели, были, как я поняла, теми же, что и у других авторитарных властителей: стремление к славе и поиски новых возможностей получить для монарха выгоду.

Такая интерпретация Кунсткамеры как основы для нового, энциклопедического коллекционирования (то есть не как продолжение накопления сокровищ монархом, но как начало нового подхода к научному исследованию) в сочетании с поразившей меня особенностью Петра I — его интересом к уродам (младенцам с физическими отклонениями) и резкими разоблачениями церковных чудес — не давала мне покоя. В богатейшей литературе о Петре я не находила убедительного объяснения его увлечению уродами. Лишь в 1995 г. в исследовании Джонатана Израэля о Нидерландской Республике¹ и еще более подробно в его книге 2001 г. о Радикальном Просвещении² я нашла то, что искала. Дж. Израэль описывает, как

1 *Israel J.I.* The Dutch republic. Its rise, greatness, and fall 1477–1806. Oxford, 1995.

2 *Israel J.I.* Radical enlightenment. Philosophy and the making of modernity 1650–1750. Oxford, [2001].

после выступления голландского шлифовальщика линз Спинозы с доказательством того, что дьявол — это всего лишь олицетворение людских страхов, в Европе стало выходить множество книг и брошюр, обсуждавших реальность чудес и существование дьявола. Автор указывает, что отрицание существования дьявола и борьба с верой в чудеса являются важной чертой раннего, так называемого радикального, Просвещения, которое почти на век опережало французское. Поскольку эти книги и брошюры печатались не на латыни, а на национальных языках, их читали сотни, если не тысячи, людей, так что обсуждение носило очень широкий характер. Начавшись в Голландии, дискуссия достигла не только Франции, Англии и Германии, но, как мы видим, и России.

Благодаря иностранцам, с которыми Петр общался с юных лет, он был в курсе этих обсуждений, занимавших умы европейцев в течение нескольких десятилетий. Он приехал в Европу в то время, когда идеи Просвещения там уже получили широкое распространение. Борьба с верой в дьявола уже не была уделом лишь атеистов и последователей Спинозы. Идеи Просвещения стали всеобщим достоянием и проникли в среду просвещенных христиан и деистов.

То, что Петр разоблачал всевозможные чудеса, видения, предсказания и знамения, имело также политическое значение. Запрещая веру в сверхъестественное, Петр лишал церковь возможности манипулировать людскими страхами. Этой же цели служил его указ об уродах. Петр велел сдавать в Кунсткамеру всех появившихся на свет уродов. Там их демонстрировали посетителям как образцы ошибок природы: возникновение уродств не есть дело рук дьявола. В этом смысле Петр был последователем Спинозы.

Благодаря письмам неожиданно выяснилось, что нидерландское влияние на российскую науку на стадии ее становления было значительно большим, чем считалось ранее. О роли немецких ученых в установлении и расширении контактов России с Европой начала XVIII в. написано много работ. После смерти Петра I немецкие ученые действительно оказались на главных ролях. Но до этого главенствующую роль играл шотландец Роберт Арескин (Эрскин), лейб-медик Петра. Он как советник царя по вопросам науки был назначен первым главой Кунсткамеры. Большая часть коллекций, заполнивших новый музей, — преимущественно натуралии, научные инструменты и книги — была приобретена у голландцев, которые своими коллекциями фактически заложили основы Санкт-Петербургской академии наук. До обнаружения писем Себы историкам не было известно, что голландские мастера, производившие физические инструменты, экспортировали свою продукцию в другие страны, в том числе в Россию³. Кроме Себы и Рюйша, свой товар в Россию поставляли также производители приборов И. ван Мушенбрук (г. Лейден), Даниель Фаренгейт (г. Амстердам), книгоиздатели и книготорговцы Пьер ван дер Аа и Ван Вайсберги. Подтверждение моему впечатлению, что современные

3 Петер де Клерк, ознакомившись с некоторыми из рассматриваемых писем, нашел эти новые факты настолько интересными, что на их основе сформулировал один из тезисов своей диссертации: *Clercq P. de. At the sign of the oriental lamp. The Musschenbroek workshop in Leiden, 1660–1750. Rotterdam, 1997. P. 27.*

немецкие и русские авторы недооценивают роль Нидерландов в становлении Академии наук, я нашла в русской исторической литературе XIX в. о Кунсткамере.

Приведем два новых примера, доказывающих важность влияния Голландии на зарождавшуюся российскую науку. Первым членам Академии наук было велено преподавать курс ньютоновской физики по учебнику профессора Лейденского университета Петруса ван Мушенбрука. А глава Академии наук Лаврентий Блюментрост, прошедший обучение в немецких и английских университетах, завершил его, как выяснилось из писем, в Амстердаме у Фредерика Рюйша и у Дювернея в Париже, чтобы в итоге защитить диссертацию в Лейденском университете.

Себа и Арескин

Амстердамский аптекарь Альберт Себа оказался опытным торговцем и благодаря своим разносторонним контактам сумел установить монополию на поставку аптечных товаров в российские придворные аптеки. Более того, амстердамский аптекарь стремился принять участие в выполнении программы преумножения человеческих знаний, намеченной Фрэнсисом Бэконом. Он гордился тем, что, не имея специального образования, но обладая здравым смыслом, мог внести вклад в общее дело наряду с яркими личностями. Высказанная Бэконом мысль о том, что собираемые людьми сведения о мире необязательно дадут результаты немедленно, но стараниями нескольких поколений исследователей рано или поздно приведут к прогрессу в науке, вдохновляла Себу. В предисловии к весьма дорогостоящему четырехтомному каталогу своей коллекции он писал, что именно эта мысль подвигла его на описание коллекции и создание изображений экспонатов. Как серьезный собиратель знаний, он нашел общий язык с Робертом Арескиным, лейб-медиком царя и главой Аптекарского приказа в Москве, и сумел завоевать его доверие.

Из писем мы узнаем, что Себа начал переписку с Арескиным в 1711 г. благодаря лекарю по имени Каспар Вейзе, поступившему в Амстердаме на русскую службу. Выясняется, что первый заказ на поставку лекарств царю Себа получил в 1715 г. через посредника. Однако вскоре он дал понять Арескину, что ему будет выгоднее заказывать лекарства непосредственно у Себы. Аптекарь добился своего и в дальнейшем стал получать заказы без промежуточных инстанций. Себа ежегодно поставлял царю лекарств на 30 000 гульденов, то есть приблизительно на 10 000 рублей. По этой сумме видно, какого потрясающего успеха добился Себа: фактически это был весь бюджет российского Аптекарского приказа. В изученных нами письмах содержатся заказы Себе на поставку лекарств в две придворные аптеки на 1715, 1716, 1717 и 1718 гг. Кроме того, в 1718 г. Себа получил заказ на поставку лекарств в аптеку Адмиралтейства.

Финансирование покупки коллекции у Себы

Письма пролили свет на то, каким образом финансировались подобные крупные покупки. Все три партии товаров для разных аптек Себа должен был адре-

совать на имя английской торговой компании «Парсонс и Вайдт». Финансирование осуществлялось по хорошо разработанной схеме. В качестве оплаты или предоплаты покупатель мог выписать от своего имени вексель и передать его или послать по почте поставщику. Поставщик мог представить этот вексель для обналичивания в банк или торговую фирму, где покупатель имел кредит. Иностранцы купцы, обосновавшиеся в России, получали кредиты в торговых банках и у банкиров в Лондоне, Амстердаме, Гамбурге, Вене и Берлине. Труднее всего было получить требующиеся деньги из российской казны. Иногда это растягивалось настолько, что «Парсонс и Вайдт», на чей адрес Себа высылал лекарства, платили ему из своего кармана. Выплаты Себе обеспечивали в основном английские купцы, в частности Ричард и Натаниэль Кэмбридж, проживавшие в Лондоне. В 1717 и 1718 гг. Себа получал также векселя для предъявления торговой фирме «Ромсвинкель и Варин» в Амстердаме. В период после 1720 г. английские купцы, торговавшие с Россией, по объему оборота торговли догнали и перегнали голландских. Это соревнование началось после 1699 г., когда английскому парламенту удалось сломить мощь «Московской компании», имевшей монополию на торговлю с Москвой. Векселя выписывались иногда в гульденах, иногда в рублях.

Пересылка коллекции Себы

Пересылка аптечных товаров не представляла трудности. В период навигации из Амстердама в Петербург, нередко напрямую, каждый год отправлялись корабли. А. Себе удавалось отправлять свой товар, даже когда обстановка на Балтийском море из-за Северной войны была слишком опасной. В такие периоды корабли шли на Архангельск. Лекарства, предназначенные для московской аптеки, Себа всегда посылал только через Архангельск.

Ответственность за риск при транспортировке была юридически урегулирована. Если товар оказывался поврежден в пути, за это отвечал шкипер. Правда, однажды, когда с посланными Себой аптечными товарами по дороге что-то случилось — не по его вине, так как он передал их капитану в хорошем состоянии, — он не получил причитавшихся ему денег. По всей видимости, в России он не смог добиться реализации своих прав.

Себа был в большей мере поставщиком товаров, чем торговцем. Правда, наряду с аптечными товарами он посылал и другие, такие как предметы роскоши, но исключительно Арескину лично, и это было с его стороны скорее красивым жестом. В таких случаях он не выплачивал Арескину комиссионных. (На поставках лекарств из Амстердама Себа давал возможность подзаработать также секретарю Медицинской канцелярии Иоганну Даниэлю Шумахеру. Если Шумахеру удавалось быстро урегулировать выплату денег Себе, он имел право оставить себе 100 гульденов.) Тем не менее торговля с Россией не была полностью односторонней, иногда Себа и сам заказывал товары в этой стране. Через Шумахера он получал *Radix Nisi*, то есть имбирный корень, по крайней мере если он имелся в наличии, ведь *Radix Nisi* доставлялся в Россию караванами из Китая. Других

экспортных товаров в уплату за лекарства Себа не принимал. В этом заключается его основное отличие от остальных голландских купцов, торговавших с Россией. Были и другие отличия. Остальные купцы поставляли в Россию широкий ассортимент товаров и покупали там все, что можно было выгодно купить. Для них выбор товаров определялся предложением. Себа, напротив, поставлял только один вид товара — лекарства и «аптечные товары» в широком смысле слова: сушеные травы, химикалии, красящие вещества и т.п. — и принимал оплату только деньгами.

Себа проявил большое упорство, решив продать царю свою коллекцию натуралий. Его контактное лицо Роберт Арескин получал от него письмо за письмом. Себа старался воздействовать на Арескина в несколько этапов. Он начал с описания своей коллекции, подчеркивая, что она богаче, чем знаменитые амстердамские коллекции Левинуса Винсента и Фредерика Рюйша. Затем как бы вскользь, упомянул о том, что в 1714 г. его коллекцию с интересом осмотрел князь Б.И. Куракин и остался ею доволен. И наконец Себа высказал Арескину свою уверенность в том, что тот, как человек, знающий толк в натуралиях, сумеет оценить достоинства его коллекции по нескольким образцам, достаточно прочным для транспортировки, которые он с этой целью и послал Арескину.

Дата покупки коллекции Себы и коллекции Рюйша

Из переписки между Себой, Арескиным и Шумахером становится ясно, что решение купить коллекции Себы и Рюйша не было скоропалительным и принято было не в Амстердаме под впечатлением от увиденного, а после длительной переписки между Альбертом Себой и Робертом Арескиным, в которой Себа выказал редкую настойчивость. К тому же обе коллекции не были приобретены одновременно, как это часто указывается в исторической литературе. Себа предложил продать царю свой кабинет натуралий и редкостей 7 июня 1715 г. Он выступил с этой инициативой сразу после благополучного завершения сделки по его первой поставке лекарств в придворные аптеки. Коллекция Себы была куплена 10 января 1716 г. и доставлена в Петербург через семь месяцев, 19 августа 1716 г. Это произошло задолго до того, как царь собрался посетить Голландию во второй раз: решение о поездке было принято в октябре 1716 г. В декабре 1716 г. он прибыл в Голландию.

Покупка коллекции Рюйша происходила принципиально иначе. Собрание Рюйша царь внимательно осмотрел еще в сентябре 1697 г. Нам неизвестно, был ли Роберт Арескин, учившийся какое-то время в Лейденском университете, также знаком с этой коллекцией еще до того, как посетил Рюйша вместе с царем в 1716–1717 гг. В СПФ АРАН сохранились не все письма, и из тех, что до нас дошли, не ясно, от кого исходила инициатива этой покупки. Формулировки, используемые в письмах Себы, оставляют открытыми обе возможности: не исключено, что Шумахер с Арескиным сами проявили интерес к препаратам Рюйша, но вполне вероятно и то, что первый шаг был сделан Себой. В любом случае из писем однозначно следует, что в продаже коллекции Рюйша Себа сыграл важнейшую роль.

Именно Себа произвел первые пробные закупки для царя 24 апреля 1716 г., более чем за полгода до второго посещения Голландии царем. После совершения сделки именно он принял на себя финансовые риски и участвовал в инвентаризации, упаковке и пересылке рюйшевского собрания.

Почти через год после первого письма Себы Арескину о коллекции Рюйша от 24 апреля 1716 г. в Амстердаме был подписан акт купли-продажи, датированный 8 апреля 1717 г. Петр купил всю коллекцию за 30 000 гульденов. При заключении сделки Себа и Блюментрост подписали данный акт вместе как представители Арескина. Сам Арескин незадолго до этого уехал вместе с царем в Париж. Подписанию акта предшествовали длительные письменные обсуждения. В самом начале Себа назвал Арескину определенную цену и отправил ему несколько образцов препаратов Рюйша. В ходе нашего исследования стало ясно, что на первых порах речь шла о покупке лишь одного из десяти кабинетов Рюйша, описанных им в его каталогах, — о «Десятом, королевском кабинете»⁴. По-видимому, приказ купить всю коллекцию Рюйша целиком царь отдал лишь по прибытии в Амстердам.

Кроме стоимости коллекции царь заплатил еще 5000 гульденов дополнительно за раскрытие тайны состава жидкости, которую Рюйш впрыскивал в свои препараты. Этот состав был настолько секретным, что Арескин, находившийся в тот момент в Париже, не согласился с предложенным ему планом, согласно которому Рюйш мог сообщить ему рецепт через младшего лейб-медика царя Лаврентия Блюментроста. Поэтому был разработан компромиссный вариант: Рюйш изложил свою тайну на бумаге и отдал записи на сохранение нотариусу.

Выплата Рюйшу той огромной суммы, о которой предварительно договорились продавец и покупатель, происходила отнюдь не гладко. Амстердамский врач Питер Генелон, который по распоряжению Арескина должен был участвовать в деле оплаты коллекции, оказался ненадежным партнером и отказался выдать деньги в назначенный срок. Блюментрост с Себой прибегли к помощи амстердамского агента царя Кристоффеля Брантса. Тот сначала дал им хороший совет, а потом выступил посредником в переговорах с Генелоном. В итоге последнему все же пришлось расстаться с деньгами.

Тайна препарирования

Поскольку кабинет Рюйша был знаменит на всю Европу, приобретение его русским царем не осталось незамеченным. Едва царь с Арескиным прибыли в Париж, как к последнему пришел с визитом его бывший учитель, а теперь коллега — знаменитый анатом Дюверней. Дюверней чрезвычайно интересовалась техника препарирования, которую Рюйш до сих пор держал в строжайшей тайне. Теперь, когда Рюйш продал свой секрет вместе с препаратами, некоторые

4 Thesaurus magnus & regius qui est decimus thesaurum anatomicorum. Het groote en koninglyke kabinet zynde het tiende der anatomische kabinetten. Amsterdam, 1716.

европейские анатомы стали оказывать давление на нового хранителя тайны, чтобы заставить его ее открыть. Они желали также приобрести некоторые препараты Рюйша. Дюверней дал Арескину слово заказать для этих препаратов специальный шкаф и написать на нем золотыми буквами, что это дар Арескина. Лейб-медик царя отвечал двум французским анатомам смутными обещаниями, но тайну не раскрыл.

Переданное через нотариуса описание рюйшевского рецепта оказалось недостаточным для того, чтобы в Петербурге смогли овладеть искусством голландского анатома. Знания необходимых ингредиентов (свернувшаяся кровь свиньи, берлинская лазурь и окись ртути) не хватило при отсутствии опыта впрыскивания препаратов в кровеносные сосуды.

В наши дни в Кунсткамере препараты Рюйша выставлены в том же зале, что и изготовленные в России препараты уродов. Розовый цвет кожи, придающий препаратам Рюйша сходство с живым телом, полностью отсутствует у мертвенно-бледных русских препаратов. Преемник Арескина и Блюментроста в 1732–1734 гг., врач Иоганн Хр. Ригер (ум. 1774) опубликовал секретную рецептуру Рюйша в 1743 г. в энциклопедии, издававшейся в Гааге (он включил ее в первый том в статью «animal», то есть «животные»). Энциклопедия была задумана как грандиозный алфавитный справочник по естествознанию и медицине. Ригер успел издать лишь первые два тома (до латинской буквы «С»)⁵.

Упаковка и пересылка коллекции Рюйша

Из изученного архивного материала становится ясно, что коллекцию Рюйша упаковывали Себа и молодой лейб-медик Петра I Лаврентий Блюментрост. Рюйшу в то время было 79 лет, и он ничем им не помогал. В письмах сообщается о том, что коллекция вопреки всем сложностям была упакована быстро и умело всего за три недели. При этом Себа с Блюментростом руководствовались печатными каталогами коллекции, в которых Рюйш дал полное описание — полка за полкой, шкаф за шкафом — всех экспонатов своих десяти кабинетов. Оказалось, что кроме этих десяти в Петербург было отправлено еще четыре ранее не описанных кабинета. Их описывал уже Блюментрост.

Себа проявил себя как опытный упаковщик, так как коллекция прибыла в Санкт-Петербург в безупречном состоянии — не пострадала ни одна банка. Но послана коллекция была не сразу. Из-за Северной войны на Балтийском море царь проявлял осторожность и долго не отдавал приказа к отправке ценного груза. Пришлось ждать целый год. Петр рассчитывал, что европейские государства вскоре окажут ему поддержку, необходимую для заключения мира. В 1717 г. он пришел к заключению, что его расчеты не оправдались, и решил все-таки отправить коллекцию в рискованное путешествие по морю. Однако свой любимый ка-

5 Rieger J.C. *Introductio in notitiam rerum naturalium et arte factarum*. Den Haag, 1743. Dl. I. P. 580.

бинет с экспонатами, демонстрирующими развитие человеческого плода, он повелел отправить сухопутным маршрутом. Но Себа не смог выполнить это распоряжение, так как все экспонаты уже были запакованы. В целях безопасности Себе было дано указание разделить коллекцию на две или более частей и погрузить на несколько кораблей, которые поплывут в Петербург с конвоем. Чтобы заплатить как можно более низкую пошлину, Себа обратился за помощью к амстердамскому пастору Клермонту, у которого были хорошие отношения с начальником таможни. В таможенных документах Себа указал цену намного меньшую, чем та, которую за коллекцию отдал царь и которая была всем известна. Затея удалась. Об этом мы узнаем из нескольких радостных писем двух обманщиков.

Иоганн Даниэль Шумахер занимается изучением и хранением коллекций

Из переписки становится ясно, что в Петербурге был один-единственный человек, переживавший за коллекции, купленные за границей и теперь привезенные в Россию, — библиотекарь царской библиотеки И.Д. Шумахер. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы найти в совсем недавно основанном городе хорошее здание для столь ценных экспонатов. Сначала ему было предоставлено для этого всего три комнаты, а затем коллекция была перевезена в Кикины палаты. Здесь места было больше, но в доме протекала крыша. Шумахер сделал все от него зависящее, чтобы крышу починили. Когда выяснилось, что французский архитектор Леблон занят строительством только деревянного навеса для Готторпского глобуса, Шумахер постарался воздействовать на Арескина, чтобы тот убедил царя поспешить со строительством нового здания Кунсткамеры. Для этого царь должен был либо одобрить уже имевшийся проект новой Кунсткамеры, либо приказать архитектору Маттарнови завершить альтернативный проект. В итоге в 1718 г. был заложен первый камень сегодняшнего здания Кунсткамеры. Когда дело дошло до расстановки экспонатов, Шумахер занялся разработкой музейной инфраструктуры. Эстетическое оформление экспозиции было возложено на художницу из Амстердама Доротею Марию Гзелль, дочь знаменитой Марии Сибиллы Мериан.

Шумахер оказался достаточно компетентным, чтобы обустроить библиотеку и привести в порядок коллекции. В одном из писем он рассказывал о том, что завершил составление каталога библиотеки Арескина. Этот рукописный каталог хранится в Архиве Академии наук в Петербурге. Он является первой описью русской библиотеки, составленной в России. В библиотеке Арескина оказались в наличии все книги и справочники, требовавшиеся Шумахеру для систематизации библиотеки и коллекций. В данном случае к России было неприменимо определение «*tabula rasa*», как ее назвал Лейбниц в одном из своих писем.

Кунсткамера стала предшественницей Академии наук. Когда новое здание Кунсткамеры было почти готово, возникла мысль пригласить в Петербург ученых, которые на контрактной основе за привлекательный гонорар согласились бы работать с коллекциями. Для этого были разосланы письма в немецкие земли, Голландию и Францию. Французский астроном Делиль, поступивший на службу

в Академию наук уже в июле 1725 г., через 6 месяцев после ее основания, нашел здесь почти все нужные ему астрономические инструменты. По пути в Россию Делиль по просьбе организаторов академии заехал в Лейден, чтобы взять в мастерской ван Мушенбрука и упаковать для отсылки в Петербург новые, сконструированные по последнему слову науки инструменты. Чтобы разместить академию с ее мастерскими и залами для ученых собраний, наряду с Кунсткамерой уже вскоре стали использоваться палаты находившегося рядом бывшего дворца царицы Прасковьи Федоровны.

Создание Академии наук

Коллекции Себы и Рюйша, приобретенные для Кунсткамеры, вместе с несколькими другими в 1716–1717 гг. послужили основой для учреждения Академии наук. В 1724 г., когда строительство здания Кунсткамеры еще шло полным ходом, Шумахер и Блюментрост разослали письма иностранным ученым с предложением поступить на службу в Петербургскую академию наук. Через два года вышли в свет первые печатные издания академии. Шумахер с хорошим знанием дела заказывал книги в разных городах Европы и создал хорошо разветвленную систему книгообмена, основой для которой служили книги, быстро и успешно печатавшиеся в типографии Санкт-Петербургской академии наук.

В ходе исследования выяснилось, что коллекции были очень важны для молодых членов Академии наук. И наконец, недавние архивные находки показывают, насколько ценились в Петербурге амстердамские коллекции. Ведь в 1752 г., когда в Амстердаме на аукционе распродавалась вторая коллекция Себы, умершего шестнадцатью годами раньше, Петербургская академия наук вновь приобрела его препараты.

Искусствоведы, а также некоторые историки склонны интерпретировать коллекции Себы, Рюйша, Кунсткамеры и Академии наук как конвульсии той эпохи, когда монархи собирали кабинеты редкостей и произведений искусства, как лебединую песнь «энциклопедического музея»⁶. В этой книге я постаралась показать, что Кунсткамера, наоборот, была началом нового — научного — коллекционирования. Письма, хранящиеся в Архиве Российской академии наук, отчетливо показывают, что царь стремился к систематическому приобретению знаний. Становится ясно, что эти коллекции ни в коем случае нельзя назвать лишь «материалом, бесполезным для последующих таксономистов»⁷. Коллекция Себы имела особенно важное значение, так как в числе других послужила таксономисту Карлу Линнею основой для его «системы природы».

6 *Meijers D.J.* Le musée du XVIIIe siècle: l'apogée et le chant du cygne de l'encyclopédisme // Tous les savoirs du monde. Encyclopédies et bibliothèques, de Sumer au XXIe siècle / Red. R. Schaer. P., 1996. P. 325.

7 *Waaals J. van der.* Wankelend wereldbeeld. Onderzoek naar taal, geloof en tijd in rareitenkabinetten // De wereld binnen handbereik. Nederlandse kunst- en rareitenverzamelingen, 1585–1735 / Red. E. Bergvelt, R. Kistemaker. Zwolle; Amsterdam, 1991. P. 152.

Эпоха сбора грандиозного материала по естественной истории, как у Бюффона, была еще впереди — она наступила во второй половине XVIII в.

Подобный тип коллекционирования и в наше время не отменен современными научными воззрениями: им все еще пользуются зоологи, ботаники и анатомы. Изучение коллекций тератологических препаратов (уродств) до сих пор входит в программу обучения студентов-медиков.

Распределение коллекций Кунсткамеры по музеям и научно-исследовательским учреждениям более узкой специализации, процесс, проходивший в 1830-х годах, следует рассматривать как специализацию систематического коллекционирования. Его нельзя путать с процессом отчуждения части или целых музейных и университетских коллекций, наблюдающимся, например, в Голландии в XX–XXI вв.